

жаетъ свою индивидуальность. Это относится не только къ небольшому меньшинству, отдающему наукѣ большую часть своихъ силъ: и среди миллионовъ людей, которые только усваиваютъ знанія, эта область является благодарной почвой, гдѣ человѣкъ можетъ отвѣтить на главные запросы своей духовной природы. Трудъ большинства однообразенъ и родомъ работы, и тѣмъ, что твердо установившіеся техническіе приемы даютъ мало пищи для мышленія. Развлеченія, доступныя этимъ людямъ, также не отличаются разнообразіемъ. И, вотъ, неиспользованная сила мысли направляется въ область книгъ и газетъ. Дополняя свое образованіе уже въ зрѣломъ возрастѣ, человѣкъ ясно видитъ, какъ съ каждымъ мѣсяцемъ расширяется его кругозоръ и къ небольшому старинному запасу приобщаются новыя знанія, какъ они пробуждаютъ мысль, какъ возрастаетъ стойкость и опредѣленность въ оцѣнкѣ разныхъ вопросовъ, какъ вырабатывается способность смотрѣть на окружающее особеннымъ образомъ, не вполне сходнымъ со взглядами другихъ. И человѣкъ радуется возможности все чаще выражать себя въ самостоятельной оцѣнкѣ людей и вещей.

Любознательность оказываетъ большое вліяніе на весь складъ жизни; это вліяніе возрастаетъ безостановочно. Отмѣчу, въ видѣ примѣра, связь этой потребности съ воздержаніемъ: на Западѣ группы рабочаго класса и крестьянства, въ которыхъ укрѣпляется привычка къ чтенію, изъ года въ годъ сокращаютъ потребленіе спиртныхъ напитковъ.

Навязывая людямъ, прежде всего, поступки, которые относятся къ области добрыхъ дѣлъ, Толстой упускаетъ изъ вида неутолимую жажду знанія человѣка; она будетъ заявлять о себѣ все чаще и чаще. Образуя могущественную силу, она способна отвлекать его отъ служенія ближнимъ. Нашимъ потомкамъ гораздо чаще, чѣмъ намъ, придется переживать столкновеніе между влеченіемъ къ знанію и вліяніемъ призывовъ помогать ближнимъ. Первое будетъ нерѣдко оставаться побѣдителемъ.

Все это, предъ судомъ многихъ и многихъ, будетъ обезцвѣчивать ученія, приводящія людей къ одному знаменателю.

IV.

Альтруизмъ Толстого производитъ впечатлѣніе чего то холоднаго, искусственнаго; онъ идетъ не отъ сердца. Не легко найти писателя, который говорилъ бы такъ много, какъ Толстой, о